

Играр АЛИЕВ

САРМАТО-АЛАНЫ НА ПУТИ В ИРАН¹

(в кн. *История Иранского государства и культуры. М., 1971*)

Одной из больших проблем древней истории Передней Азии, давно привлекающей внимание иранистов и археологов, является проблема времени расселения и путей проникновения ираноязычных племен на территорию Ирана. Исследование этой проблемы в свою очередь невозможно без уяснения сложного и пока еще окончательно не решенного вопроса о локализации области первоначального обитания упомянутых этнических элементов.

Постепенно накапливается все больше материалов, как археологических, так и языковых, позволяющих полагать, что родина ираноязычных народов находилась в Юго-Восточной Европе². По мнению ряда видных исследователей, именно отсюда в разное время и в различных направлениях двигались носители иранских языков³. По-видимому, можно говорить о том, что Иран, начиная с рубежа II–I тыс. до н. э., а возможно и ранее, имел контакты не только с Кавказом и южно-русскими степями, но и с областями Центральной Европы⁴.

В вопросе о том, какими путями приходили в Иран ираноязычные племена, до сего времени нет единого мнения. Однако следует отметить, что в новейшей специальной литературе приводится немало доказательств того, что миграции шли и по кавказскому пути⁵. Есть основания полагать, что путь через Дербентский проход был освоен степняками южнорусских областей – каковыми в ту пору могли быть только иранцы – еще на рубеже II–I тыс. до н. э., а быть может, и несколько ранее⁶.

Именно в то время, когда в южнорусских степях и в отдельных районах Северного Кавказа господствовали подвижные коневодческие ираноязычные племена, в областях Ирана, как об этом свидетельствуют материалы Хурвина, Марлика, Луристана и др., появляются новые группы иммигрантов: коневоды и всадники – носители иранского этноса. О последнем с несомненностью свидетельствует иранская ономастика⁷.

Ряд авторитетных исследователей совершенно справедливо указывают на то, что в упомянутых комплексах не обнаруживается влияний со стороны Средней Азии⁸, но прослеживаются характерные особенности, позволяющие связывать эти комплексы с культурами Закавказья и Армянского нагорья, а частично и с северокавказскими и степными южнорусскими⁹. Близость эта особенно наглядно прослеживается в одежде, вооружении, предметах конской упряжки, в традициях всадничества и конских погребений и т. д.¹⁰.

Все это свидетельствует в пользу кавказского пути проникновения первых ираноязычных племен в Иран¹¹. Кавказским путем шли, как полагают, западноиранские племена – мидяне, сагартийцы, персы и др.¹², а затем, о чем свидетельствуют уже бесспорные письменные свидетельства, восточноиранские племена¹³, причем не только в VIII–VII вв. до н. э., но и позднее. В связи с последним обстоятельством нельзя не отметить, что хорошо известные и бесспорные материалы о распространении сармато-алан, как ранее и скифов, на юг через Кавказские горы, которые вовсе не являлись непреодолимой преградой¹⁴, могут иметь немаловажное значение, по крайней мере как параллель при решении вопроса о путях проникновения в Иран в более раннее время иранских племен, предков западноиранских народов – мидян, персов и др.

События, о которых свидетельствуют рассматриваемые ниже материалы, касающиеся походов сармато-алан в I–II вв. н. э., хотя и относятся к истории Закавказья, и в частности Азербайджана, но тем не менее имеют прямое отношение и к Ирану, куда вслед за кавказскими областями прямо отсюда шли эти восточноиранские племена.

Античные авторы сообщают о вторжениях в первые два века нашей эры племен сармато-аланского круга в Иран¹⁵. Возможно, сарматы¹⁶ и прежде ходили походами в области Ирана¹⁷, однако данные об этом довольно гипотетичны. Что же касается алан¹⁸, то сведения о них более многочисленны и уже теперь хорошо увязываются с имеющимися данными археологии.

События интересующего нас времени должны рассматриваться не только как фактор политической истории Ирана. Они не могли не сыграть определенной роли и в этногенезе населения северо-западных районов Ирана¹⁹.

Можно предполагать, что аланы должны быть причастны к этногенезу насельников Курдистана и Атропатены. В Мукринском Курдистане и сейчас имеются округ и племя по имени «алан»²⁰.

Иранский язык Атропатены, как полагают, был близок иранскому языку Иберии²¹, а на ее территории, как это теперь хорошо известно, уже

на рубеже нашей эры значительную роль играли сармато-аланы²². Все эти вопросы, конечно, нуждаются в дальнейшей разработке.

Имеющийся материал позволяет полагать, что и в I–II вв. Азербайджан являлся исходной территорией сармато-алан при их вторжении в Иран. В пользу этого говорят не только письменные источники, но и данные археологии.

В III–II вв. до н. э. на территории Предкавказья, а затем и Северного Кавказа появляются новые погребальные памятники, которые, безусловно, были оставлены проникавшими в эти области племенами сармато-аланского круга²³. Проникновение сарматов, а несколько позднее и алан в указанные районы продолжалось и в последующие века²⁴. С I в. н. э. аланы едва ли не господствующее племя края²⁵. Именно с этого времени римляне знали алан «как народ прикавказский»^{25a}.

Письменные источники сообщают о походах алан в страны Закавказья и прилегающие области в I–III вв.²⁶. Важно, что эти сообщения подтверждаются данными археологии, а также иными материалами, свидетельствующими о пребывании на названной территории алан.

С I в. н. э. аланы начинают просачиваться на земли Картлийского (Иберийского) царства²⁷, на что указывают данные письменных источников²⁸, ономастики²⁹ и археологии³⁰. Очень важно отметить, что в Грузии I–III вв.³¹, так же как в Азербайджане (см. ниже) и других районах Кавказа³², археологически засвидетельствованы племенные группы с деформированными черепами, каковыми в ту пору в областях Кавказского перешейка и землях, прилегающих к ним с севера, могли быть только сармато-аланы, у которых (точнее, алан) этот обычай становится этническим признаком³³.

Археологические материалы свидетельствуют о проникновении в первые века нашего летосчисления племен сарматского происхождения и на территорию Дагестана³⁴, южные районы которого, по-видимому, входили в состав Мазкутского царства³⁵. В Дагестане для этого периода археологически засвидетельствованы катакомбные захоронения³⁶ и племена с деформированными черепами³⁷. Письменные же источники сообщают о пребывании в этой стране алан³⁸.

Племена массагето-аланского круга уже в I в. н. э. проникали через Дербентский проход на территорию прикаспийской полосы Азербайджана. Мазкуты, упоминаемые армянскими³⁹, а позднее и арабскими⁴⁰ авторами как народ, обитающий у западного побережья Каспия, несомненно, тождественны массагетам⁴¹, локализуемым античными источниками в закаспийских и западноприкаспийских областях. Массагеты-мазкуты засвидетельствованы по соседству с албанами, где они обитали по крайней

мере с рубежа нашей эры, ибо создали здесь «свое государство, упоминаемое в I в. н. э. в связи с парфяно-римскими отношениями»⁴². Уже ранние армянские источники упоминают царство мазкутов, как и более поздние авторы⁴³.

Данные письменных источников позволяют считать, что проникновение алан и в северо-западные области Азербайджана относится также к I в. н. э. и связано с их известным походом в страны Закавказья и далее на юг в 72 г. Аланы, будучи в союзе с иберийским⁴⁴ царем⁴⁵, прошли через Дарьяльский проход и напали «огромной массой на ничего не подозревавших мидян... дошли до Армении, все опустошая»⁴⁶. Для нашей темы наиболее важным является то, что, согласно «Картлис цховреба», после разорения армянских земель аланы и союзные с ними иберы возвратились на север и «стали лагерем в Камбечовани на р. Иори и здесь начали дележ пленных и добычи»⁴⁷.

Таким образом, по данным письменных источников⁴⁸, аланы в 70-х годах I в. появились в Камбечовани – Камбисене античных авторов. Интересно, что Камбисена, как и Сакасена, по-видимому, еще со времен скифских походов стала превращаться в новую метрополию ираноязычных племен, о чем говорит и само наименование этой страны⁴⁹. Сообщение грузинского источника подтверждается и другими, совершенно бесспорными материалами. В зоне Мингечаура, которая непосредственно граничила с юго-восточной Камбисеной⁵⁰ или даже являла собой часть названий области, начиная именно с I в. нашего летоисчисления, как об этом свидетельствуют археологические данные, значительной массой появляются племена с деформированными черепами⁶¹ – носители культуры катакомбных погребений⁵². Важно отметить, что здесь вместе с носителями деформированных черепов появляются и первые катакомбы – погребальные сооружения, чуждые ранее местному населению.

Как уже отмечалось выше, аланская этническая принадлежность катакомбных захоронений сарматского времени на Северном Кавказе не может вызывать сомнения⁵³. Нет также никаких оснований считать мингечаурские катакомбы погребениями местных племен. Уже одно то обстоятельство, что в I в. н. э., в период аланских походов, в зоне Мингечаура появляются неизвестные здесь ранее погребальные сооружения, новые погребальные обряды и частично инвентарь, чуждые старым местным культурам, но тождественные тем, которые приносили с собой в завоеванные области аланы с I в. н. э. и позднее, позволяет уверенно говорить о вторжении в северо-западные районы Азербайджана нового этнического массива – алан.

И в самом деле, мингечаурские катакомбы⁵⁴ по конструкции, форме и размерам в общем и целом, а иногда в деталях укладываются в серию сармато-аланских или, быть может, вернее, аланских катакомб поздней античности и раннего средневековья. Входные ямы – дромосы, сегментовидной формы отверстия – лазы, прикрытые камнем или кирпичом, эллипсоидной, а иногда удлиненно-прямоугольной формы, с закругленными углами камеры с куполообразно вырубленными потолками и т. д. – это типично аланские катакомбы, широко распространенные на Северном Кавказе⁵⁵ и известные в Мингечауре.

Что касается оборудования погребальных помещений, то в мингечаурских катакомбах наблюдается обычай устилать пол камеры травой, досками, обожженным и сырым кирпичом и т. д. Этот обычай хорошо известен у алан⁵⁶, у которых нередко применялись и гробы⁵⁷. Существенной чертой сармато-аланского погребального обряда являлись угольная⁵⁸, меловая⁵⁹, глиняная и другие подстилки⁶⁰. Меловая и угольная подстилки в силу каких-то неизвестных нам причин в мингечаурских погребениях отсутствуют, но прослеживаются их реминисценции – угли и кусочки мела, побелка погребальной камеры и т. д. Обычай же подстилать под покойников траву, деревянную и глиняную подстилки хорошо представлены в мингечаурских катакомбах.

Говоря о положении, позе и ориентировке погребенных, следует отметить, что все покойники в катакомбных могилах Мингечаура ориентированы по длинной оси камеры, лежат головами вправо от входа, как в середине могилы, так и ближе к обеим продольным – входной и внутренней – стенам камеры. И здесь можно отметить определенную зависимость от савромато-сарматской традиции. Известно, что, хотя ориентировка покойников в савромато-сарматских погребениях сильно варьирует в зависимости от территории и времени, к которому относятся соответствующие захоронения⁶¹, но в общем и целом уже со II в., как свидетельствуют материалы раскопок в Поволжье^{61a}, на Дону⁶² и в Прикубанье⁶³, северная ориентировка⁶⁴ с отклонениями на восток и запад (что, быть может, зависело от времени года⁶⁵) вытесняет более раннюю – южную⁶⁶.

Примерно на рубеже II–III вв. северная ориентировка начинает преобладать и в отдельных северокавказских погребальных комплексах⁶⁷, хотя все еще встречаются и захоронения с южной ориентировкой⁶⁸. Такова же эволюция ориентировки погребенных в Мингечаурском некрополе. В позднекатакомбных захоронениях Мингечаура (приблизительно с IV в. н. э.) южная ориентировка почти исчезает из погребальной практики, а северная (с отклонениями на восток и запад) становится господствующей.

Нередко встречаемые в позднекатакомбных погребениях Мингечаура случаи, когда скелеты лежат вытянуто на спине с различными положениями рук, могут породить иллюзии христианского характера захоронений. Однако это не так, ибо положение покойника в вытянутом положении на спине – это типично сармато-аланский погребальный обычай, засвидетельствованный не только в исконно сарматских областях⁶⁹, но широко известный с рубежа нашей эры, а в отдельных случаях и в более раннее время в районах распространения именно сармато-алан на Нижнем Дону⁷⁰, в Приазовье⁷¹, на Северном Кавказе⁷² и т. д. Руки при этом положении костяков нередко уложены вдоль тела, часто кисти рук покоятся на тазовых костях, отмечаются и случаи, когда одна рука положена на таз (или область живота), а другая поднята по направлению к лицу. Все эти случаи, зафиксированные не только в Мингечауре, но и на обширных пространствах расселения сармато-аланских племен, являют собой исконно сарматскую погребальную традицию⁷³. В некоторых случаях ноги костяков, лежащих вытянуто на спине, скрещены. В интересующее нас время, так же как и позднее, обычай этот известен у сармато-аланских племен⁷⁴.

Особенно важно отметить, что четко проявляющиеся черты сармато-аланских погребальных обрядов (северная, с отклонениями к востоку и западу ориентация костяков в захоронениях, расположение рук вдоль туловища или на тазовых костях и т. д. при вытянутом положении скелета, и другие элементы) появляются в Мингечауре одновременно или почти одновременно с тем, когда указанные черты погребального ритуала, сформировавшиеся в сармато-аланской среде на предшествующем этапе, стали широко распространяться вместе с их носителями в областях Нижнего Дона, на Северном Кавказе и в других районах.

Указанные обстоятельства, как представляется, надежно свидетельствуют в пользу сармато-аланского происхождения погребальных обрядов поздних катакомбников Мингечаура. Мысль о независимости, гетерогенном происхождении одинаково направленных изменений в погребальном ритуале мингечаурских катакомбников, с одной стороны, и у сармато-аланских племен – с другой, никак не может быть допущена, ибо речь в данном случае идет не об отдельных случайных совпадениях, а о всей системе обрядов на определенной территории, в связи с какими-то обстоятельствами вытеснивших старые ритуалы. Объяснить сходные формы погребального ритуала, существовавшие в позднесарматское время на территории Мингечаура и в обширных районах обитания сармато-аланских племен в Поволжье, на Северном Кавказе и т. д., чем-либо иным, кроме как продолжающимися контактами между «колонией» и

«метрополией», невозможно. Другое дело, что мы плохо представляем себе конкретные пути, по которым осуществлялась эта связь, но что она существовала – в этом сомнения быть не может.

На принадлежность мингечаурских катакомбников к племенам сармато-аланского круга указывают и другие детали погребального обряда, засвидетельствованные в наших катакомбах.

Покойников хоронили в одеяниях, с украшениями, оружием и т. д. На погребенных в мингечаурских катакомбах, как и в аланских катакомбах Северного Кавказа⁷⁵, иногда удается проследить остатки покрывала – савана.

Типичной чертой сармато-аланских захоронений⁷⁶, засвидетельствованной в мингечаурских катакомбах, является наличие в погребальной камере заупокойной пищи – обычно обезглавленных тушек овец. Для мингечаурских катакомб, как и для сармато-аланских погребений⁷⁷, нередки случаи, когда в могиле имеются лишь только отдельные части животных, например, ноги и лопатки и т. д. (иногда в миске⁷⁸), рядом с которыми (как у сармато-алан⁷⁹), как правило, железный нож. Следует отметить, что в Мингечауре обычай класть в могилы заупокойную пищу исчезает в позднекатакомбный период – начиная с IV–V вв.

Нельзя не упомянуть о том, что в мингечаурских катакомбах среди ритуальных предметов кроме кусочков угля, мела, меловых бус и т. д. обнаружены песчаник, шлак, галька или булыжник, куски серы и т. д., что также может указывать на сармато-аланский погребальный обряд как на источник мингечаурского погребального ритуала.

В катакомбах Мингечаура мы встречаемся и с такими типично сармато-аланскими по своему характеру особенностями, как, например, положение в погребальную камеру грецких орехов⁸⁰, панцирей черепах⁸¹, захоронение собак⁸² и т. д.

Особенно важно отметить, что в интересующее нас время на территории Мингечаурского катакомбного некрополя засвидетельствованы погребения коней. Интересно, что в одной из мингечаурских катакомб позднего времени вместе с покойником захоронен только череп лошади⁸³. Вполне вероятно, что часть конских захоронений Мингечаура на деле представляет собой погребальные тризны, хорошо известные сарматским, а позднее и аланским племенам бассейна Дона⁸⁴.

Если нельзя сказать, что набор и размещение погребального инвентаря в мингечаурских катакомбах имеет всецело сармато-аланский характер, то несомненно, что сармато-аланское влияние, нередко довольно явное, сохранялось здесь очень долго.

Несмотря на некоторые отличия, существовавшие в погребальном ритуале отдельных групп⁸⁵ катакомбников Мингечаура, все они объеди-

няются меж собой, а вместе взятые – и с аланами, по существу, единым обрядом – катакомбным. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что в катакомбном некрополе Мингечаура засвидетельствован еще один вариант сармато-аланского погребального обряда эпохи поздней античности и раннего средневековья.

Среди инвентаря мингечаурских катакомбных погребений есть немало явно сармато-аланских вещей. К таковым в первую очередь относятся типично сарматские поясные пряжки – круглые, полукруглые, овальные и четырехугольные, с подвижным накидным язычком, с пластинчатой обоймой-щитком и без нее⁸⁶. Поясные наборы из мингечаурских катакомб, в особенности бляшки, имеют прямые аналогии в материалах могильников сармато-аланского времени.

Широкое распространение в катакомбную пору колокольчиков, использовавшихся в качестве подвесок, быть может, следует объяснить влиянием алан. Хорошо известно, что украшать платья и конский убор колокольчиками и бубенчиками, издававшими звон, имевший, очевидно, апотропеическое значение, – явление, весьма распространенное в аланской среде и вообще в аланскую эпоху⁸⁷.

Среди характерного материала необходимо отметить наличие в мингечаурских катакомбах значительного количества бус с росписью типа бус, обнаруженных в Осетии и называемых «аланскими»⁸⁸. В одной из катакомб (№ 21) обнаружена большая круглая халцедоновая бусина, совершенно тождественная тем, которые встречаются в аланских могилах⁸⁹.

В Мингечауре в большом количестве встречаются лучковые и иные фибулы, широко распространенные в позднесарматское время на юге нашей страны, особенно в Поволжье и на Северном Кавказе⁹⁰.

В Мингечауре первых веков нашего летосчисления обнаружено некоторое количество явно сармато-аланского оружия; кроме мечей с кольцевым навершием встречаются также небольшие ножи и кинжалы с таким же навершием. Интересно отметить, что в одной из катакомб (№ 16) обнаружены остатки кольчужной брони. Кольчужные доспехи, появившиеся в Восточной Европе уже в сарматское время⁹¹, по-видимому, вместе с сармато-аланами стали распространяться и в других областях.

Явный упадок керамического производства в Мингечауре, проявившийся уже в раннекатакомбный период и продолжавшийся позднее, я склонен объяснять особенностью быта проникавших сюда сармато-аланских племен. В быту кочевника весьма важную роль играла деревянная посуда и различные кожаные изделия, заменяющие плохо транспортбельную глиняную посуду. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Мингечаурском катакомбном некрополе в интересующее нас время

часто встречаются деревянная посуда, бурдюки, котомки и другие кожаные изделия, значительно вытеснившие гончарные.

Таким образом, приведенный выше материал позволяет со всей очевидностью заключить, что в бурную эпоху передвижений значительных групп ираноязычных племен на рубеже и в первые века нашего летосчисления в областях прикаспийской полосы и в северо-западной зоне Азербайджана, так же как и в отдельных районах соседних Дагестана и Грузии, пребывали племена сармато-массагето-аланского происхождения. Неудивительно поэтому, что уже Птолемей под Азиатской Сарматией разумел всю территорию Прикаспия – от устья Волги до устья Куры⁹². Именно эти племена из упомянутых областей совершали свои набеги в Иран.

Следует, наконец, указать и на то, что в последнее время сведения письменных источников о вторжениях сармато-аланских племен в Мидию – Атропатену и Парфию становится возможным увязать с данными археологических исследований на территории самого Ирана.

Недавно в Дайламане японскими археологами⁹³ были открыты относящиеся к интересующему нас времени⁹⁴ катакомбные погребения с целым рядом характерных памятников материальной культуры, принадлежность которых сармато-аланам едва ли может вызывать сомнения⁹⁵.

Все сказанное выше позволяет полагать, что события эпохи сармато-аланских вторжений в Иране были, несомненно, тесно связаны с закавказскими и являлись их прямым продолжением. Дальнейшие изыскания должны внести большую ясность в исследования этих вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Я признателен Э. А. Грантовскому, прочитавшему эту статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний, учтенных мною при ее доработке.

² Точка зрения о «степной прародине» арийских народов была основательно аргументирована в конце XIX – начале XX в. (см.: O. SCHRADER. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena. 1883; ЕГО ЖЕ, Die Indogermanen. Leipzig, 1935; Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde von O. Schrader, 2. Aufl, hrsg. von A. Nehring, Berlin, 1919, см.: Urheimat).

Из более поздних работ немало данных в пользу пребывания ариев до середины II тыс. до н. э. в северопричерноморских областях приводится, например, у В. Порцига (В. В. ПОРЦИГ. Членение индоевропейской языковой области, М., 1964). На восточноевропейской локализации прародины ариев в последнее время особенно настаивает выда-

ющийся советский иранист В. И. Абаев (В. И. АБАЕВ. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965).

³ Иранцы или часть их (по мнению некоторых ученых, вместе с индийцами) двинулись не только на восток, к Средней Азии (см., например: HAUSCHILD R. Über die frühesten Arier im Alten Orient, Berlin, 1962), но и на запад, юго-запад и юг – до Центральной Европы, Балкан, Малой Азии и Кавказа. Близкие черты в культурах Северного Причерноморья, Венгрии и Кавказа отмечены Я. Харматта (HARMATTA J. Le problème cimmérien, – «Archaeologiai Ertesítő», 8–9, 1948; ср. также: GALLUS S., HORVATH T. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie, Dissertationes Pannonicae, II, Budapest, 1939). Можно говорить и о контакте иранцев с фракийцами, следствием чего, очевидно, и являются отмеченные лингвистами иранские элементы во фракийском [см.: ДЕЧЕВ Д. Характеристика на тракийския език, София, 1952, ЕГО ЖЕ, Die thrakischen Sprachreste, Wien, 1957; см. также рецензию В. И. Абаева на первую из этих работ (ВДИ, 1952, № 2. С. 86–90)], а также иранцев с эллинами (см.: ГЕОРГИЕВ В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958. С. 100 ср. также: PISANI V. Studi sulla preistoria delle lingue indeuropee, – «Memoire della R. Accademia dei Lincei», ser. 6, vol. 4, Roma, 1933). Наконец, можно предполагать проникновение иранцев через Балканы в Малую Азию (см.: ЛЕСКОВ А. М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1966. С. 3).

⁴ См.: POWELL T. G. E. Celtic Origins // «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 78, 1948; ср. также: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии; М., 1970. С. 39.

⁵ Странниками этой точки зрения являются: PÖSCHE Th., Die Arier; ein Beitrag zur historischen Anthropologie, Jena, 1878; HÜSING G. Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa, – «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», Bd 60, 1930; KÖNIG F. W. Älteste Geschichte der Meder und Perser, Leipzig, 1934; GHIRSHMAN R. Persia from the Origins to Alexander the Great, London, 1964 (в этой работе в отличие от прежних французский ученый полагает, что иранцы в Иран могли проникнуть разными путями; правда, и здесь Гиршман продолжает считать, что мидяне и персы шли именно через Кавказ); SULIMIRSKI T. Scythian Antiquities in Western Asia, – «Artibus Asiae», vol. XVII, 3/4, 1954; ПОРЦИГ В. Членение индоевропейской языковой области; HAUSCHILD R. Über die frühesten Arier... (по его мнению, только мидяне и персы прошли через Кавказ, а до них – арии во II тыс. до н. э.). Среди наших исследователей этой точки зрения придерживаются В. И. Абаев, Э. А. Грантовский, автор данной статьи и некоторые другие.

⁶ МЕЛЕНТЬЕВ А. И. Две узды из Мингечаура // СА, 1968, № 1. С. 229.

⁷ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история..., passim.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ На этом особенно настаивает Р. Гиршман.

¹⁰ SULIMIRSKI T. Scythian Antiquities; КРУПНОВ Е. И. Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА СССР, 68, 1958. С. 189; ЕГО ЖЕ; Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 126; КУФТИН Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. С. 59 и сл.; R. GHIRSHMAN, Persia. С. 26 и сл., 41 и сл.

¹¹ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история... С. 340 и др. Не следует, конечно, забывать, что проблема эта далека от окончательного, решения и что в науке существует и другое мнение – точка зрения о среднеазиатском происхождении западноиранских племен, в числе сторонников которой имеются крупные авторитеты; см. об этом там же. С. 341 и сл.

¹² См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Ранняя история... С. 340 и др.

¹³ ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии. М.–Л., 1956. С. 208 и сл.; ИГРАР АЛИЕВ. История Мидии, Баку, 1960. С. 218 и сл.

¹⁴ См.: GHIRSHMAN R. La civilisation achéménide et l'Urartu,– «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. 1; М., 1962. С. 314.

¹⁵ См.: ФЛАВИЙ ИОСИФ. О войне иудейской, VII, 7, 4; КАССИЙ ДИОН. Римская история, LXIX, 15; см. также: МОММЗЕН Т. История Рима, М., 1949. С. 356–357, 365; DEBEVOISE N. S. Political History of Parthia. Chicago, 1938. С. 20 и сл.

¹⁶ Ранняя история сарматов связана с савроматами, однако отождествлять их нельзя (см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы. М., 1964. С. 3 и др.). Теперь уже не может быть никакого сомнения в ираноязычности савромато-сарматских племен. Полагают, что сарматы упоминаются в Авесте (см.: MARQUART J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig, 1905. С. 78) под названием Saigrima и противопоставляются Arya и Tuqa и что впоследствии интересующее нас имя перешло в иранскую эпическую традицию в форме Salm (см.: ТОЛСТОВ С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 222). Об этимологии имени «савроматы» см.: АБАЕВ В. И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л., 1948. С. 37.

¹⁷ См.: ВИНОГРАДОВ В. Б. О скифских походах через Кавказ // «Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института», т. IX, 1964. С. 42–44.

¹⁸ Ими «алан», как известно, восходит к общему этнониму ариев и иранцев – *arya*, откуда др.-иран. *āryana* («арийский»), безупречным с фонетической стороны осетинским оформлением которого является *allon* (АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.–Л., 1958. С. 47).

¹⁹ Хотя основную роль в формировании ираноязычного населения Ирана сыграли западноиранские племена, проникавшие сюда начиная с конца II тыс. до н. э., нельзя, однако, не отметить, что в этом процессе далеко не последняя роль принадлежала и восточноиранским племенам – скифам и др. Сарматы были каким-то образом тесно связаны с мидянами (см.: ДИОДОР, II, 43; ПЛИНИЙ, VI, 19. У последнего сарматы названы *medorum suboles*). О северных связях мидян говорит, как кажется, и их родство с сигиннами, обитавшими в нынешней Чехословакии (см.: АБАЕВ В. И. Скифо-европейские изоглоссы. С. 50).

²⁰ См.: ВИЛЬЧЕВСКИЙ О. Курды, М.–Л., 1961. С. 136, прим. 62.

²¹ См.: HENNING W. B. *Mitteliranisch* // «Handbuch der Orientalistik, I», Bd IV, Abschnitt 1, Leiden – Köln, 1958. С. 38.

²² См.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 355 и сл.

²³ Л. Г. НЕЧАЕВА, Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // «Исследования по археологии СССР», Л., 1961; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, Грозный. 1963; ЕГО ЖЕ, Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III–I вв. до н. э. // СА, 1963, № 1. С. 48 и сл.; МУНЧАЕВ Р. М. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА, 1965, № 2. С. 174 и сл.; АБРАМОВА М. П. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА, 1968, № 3. С. 114 и сл.

²⁴ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР, 106, 1962; ГАГЛОЕВ Ю. С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // ИЮОНИИ, XIII, 1964.

²⁵ См.: ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 105 и сл.

^{25a} КУЛАКОВСКИЙ Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899. С. 9.

²⁶ Об этом сообщают Иосиф Флавий («О войне иудейской», VII, 7, 4), Моисей Хоренский (II, 50), Дион Кассий (LXIX, 15) и другие авторы. См. также: МОММЗЕН Т. История Рима. С. 356–357, 365; ТРЕВЕР К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.–Л., 1959. С. 125 и сл., 130 и сл.; МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. С. 344 и сл., 357 и сл.; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 165, и сл.

²⁷ МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. С. 344 и сл.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 356; АБАЕВ В. И. Вокруг армазской билингвы // САН ГрузССР, 1944, № 8.

³⁰ См.: ЛОМТАТИДЗЕ Г. А. Некрополь II века в Клдеети. Тбилиси, 1957.

³¹ АБДУШЕЛИШВИЛИ М. Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 49; ЕГО ЖЕ, К палеоантропологии самтаврского могильника. Тбилиси, 1954. С. 15.

³² См. хотя бы: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА, 1956, XXVI. С. 254.

³³ СМЕРНОВ К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // ДСИФ МГУ, 1947, № 5. С. 82.

³⁴ КРУПИНОВ Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА СССР, № 23, 1951; СМЕРНОВ К. Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА СССР. № 23. 1951. С. 226 и сл.; ЕГО ЖЕ, Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД, II, 1961. С. 167 и сл.; КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД, I, 1959. С. 145, 154 и сл.

³⁵ О Мазкутском царстве см.: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония» надписи Каба-и-Зардушт // ВДИ, 1967, № 4. С. 55; МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербенда, М., 1963. С. 108 и сл.

³⁶ КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники. С. 148 и сл.

³⁷ Там же. С. 148, 151.

³⁸ См.: МАРЦЕЛЛИН АММИАН. XXIII, 5, 16. Аланы, о которых говорит этот автор, могли обитать только на территории Южного Дагестана и Северного Азербайджана.

³⁹ Наиболее раннее упоминание мазкутов имеется у Бузанда Фавста («История Армении», Ереван, 1953, кн. III, гл. 5–7).

⁴⁰ См. у Минорского В. Ф. («История Ширвана и Дербенда» . С. 64) и др.

⁴¹ У нас нет никаких оснований считать, как это делает К. В. Тревер («Очерки по истории и культуре Кавказской Албании». С. 193–194; ср. по этому поводу: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 54–55), что мазкуты и массагеты – разные племена.

⁴² ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 56.

⁴³ Там же. С. 55–57; МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 110 и сл., и др.

⁴⁴ Путаница возникла оттого, что в источнике речь шла о царе «гирканцев». Позднее было разъяснено, что у античных авторов названием Нугсалия обозначалась и Иберия (арм. *Virkan*); см.: ТРЕВЕР К. В. Очерки... С. 126; МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 348.

⁴⁵ См.: ФЛАВИЙ ИОСИФ. О войне иудейской, V, 7, 4.

⁴⁶ Там же. Приблизительно то же сообщают «Картлис цховреба» (см.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 346 и сл.) и Моисей Хоренский (II, 50).

⁴⁷ См.: МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории... С. 346, 348. Ср. также у Моисея Хоренского (II, 50: «Народ аланский... переходит великую реку Куру и лагерем располагается на северном берегу реки»).

⁴⁸ Ср. о них также: ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 133. Последний по времени и наиболее глубокий анализ «Картлис цховреба» проделан в исследовании Меликишвили Г. А. («К истории древней Грузии». С. 33 и сл.).

⁴⁹ Этому вопросу я посвятил специальную статью, которая еще не опубликована.

⁵⁰ См. составленные Еремян С. Т. карты: «Атлас Армянской ССР», Ереван–Москва, 1961. С. 103–104.

⁵¹ КАСИМОВА Р. М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура, Баку, 1960. С. 42 и сл.

⁵² АСЛАНОВ Г. М. Материальная культура Мингечаура I–VII вв. (автореф.), Баку, 1963. С. 4 и сл.

⁵³ Ср.: НЕЧАЕВА Л. Г. Об этнической принадлежности...

⁵⁴ По вопросам, связанным с материалами катакомбных погребений Мингечаура, значительная часть которых не опубликована, я широко пользовался консультациями

одного из основных раскопщиков их, Г. М. Асланова, за что приношу моему коллеге свою глубокую благодарность.

⁵⁵ Ср.: АБРАМОВА М. П. Исследование Нижне-Джулатского могильника в 1967 г. // КСИА, 1970, 124. С. 88 и сл.

⁵⁶ КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник // «Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии», Орджоникидзе, 1961. С. 82; ЕГО ЖЕ, Аланские племена... С. 29.

⁵⁷ См.: ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947, № 3. С. 106; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 27, 28.

⁵⁸ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник. С. 105; ЕГО ЖЕ. Аланские племена... С. 15, 18, 19, 24, 26; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259; ПЛЕТНЕВА С. А. От кочевий к городам // МИА СССР, 142, 1967. С. 79.

⁵⁹ См.: КОТОВИЧ В. Г. Новые археологические памятники... С. 145, 149; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 16–17; ЕГО ЖЕ. Аланы и раннесредневековый Дагестан // МАД, II. С. 266; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259.

⁶⁰ См.: СЕМЕНОВ Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИИМК, XLVI, 1952. С. 112, 117; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан. С. 266; ПИКУЛЬ М. И. Хабданский могильник // МАД, II. С. 147, 160–161; АЛЕКСЕЕВА Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии // КСИИМК, 60, 1952. С. 75–77.

⁶¹ Для более раннего периода см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91 и сл.

^{61a} См. прим. 64.

⁶² ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник и вопрос о его этнической принадлежности // «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968. С. 142; см. также: ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса // МИА СССР, № 98, 1961. С. 92, 93.

⁶³ МАРЧЕНКО Н. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА СССР, № 57, 1956. С. 122–423.

⁶⁴ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата у савроматов. С. 105; см. также: ВИНГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 51, 83; СМИРНОВ К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, XXXIV, 1950. С. 111, 113; СИНИЦЫН И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА СССР, № 60, 1959. С. 202; ЕГО ЖЕ, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов. 1947. С. 22; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник // МИА СССР, № 60, 1965. С. 492.

⁶⁵ См.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91; см. также: АВДУСИН Д. А. Археологические разведки и раскопки. М. 1969. С. 492.

⁶⁶ СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 91–92; АБРАМОВА М. П. Сарматская культура II в. до н. э. – I в. н. э. // СА, 1959, № 1. С. 54–55; ЕЕ ЖЕ. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. // СА, 1961, № 1. С. 103; МУНЧАЕВ Р. М. Новые сармат-

ские памятники... С. 176–177; СИНИЦЫН И. В. Археологические исследования... С. 198–199, 201; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 429, 456–458.

⁶⁷ ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 51, 83; СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 259, 268, 271; КРУПНОВ Е. И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА СССР, 23, 1951. С. 222 и сл.; ПУТИНЦЕВА Н. Д. Верхнечирюртовский могильник // МАД, II. С. 250; ПИКУЛЬ М. И. Хабданский могильник. С. 147.

⁶⁸ См.: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан. С. 237; КУЗНЕЦОВ В. А. Аланские племена... С. 20, 22, 24.

⁶⁹ Вытянутое положение покойника и южная ориентировка решительно преобладают в сарматских погребениях Поволжья с сусловского периода, т. е. с конца II в. до н. э. (см.: ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 105; см. также: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 92).

⁷⁰ ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 140 (табл.).

⁷¹ АБРАМОВА М. П. Сарматские погребения... С. 103; ВЯЗЬМИТИНА М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // «Вопросы скифо-сарматской археологии». С. 221; ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса. С. 93.

⁷² ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 61. Известен этот обычай и в Дагестане; см.: СМИРНОВ К. Ф. Археологические исследования... С. 258, 259.

⁷³ См.: ШЕЛОВ Д. Б. Некрополь Танаиса. С. 91; ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 40; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 64; КАПОШИНА С. И. Сарматы на Нижнем Дону // «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968. С. 167.

⁷⁴ См.: МИНАЕВА Т. М. Могильник Байтал-Чапкан. С. 237.

⁷⁵ КУЗНЕЦОВ В. А. Змейский катакомбный могильник. С. 74, и др. О саванах у савроматов см.: СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 94.

⁷⁶ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 104; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 422, 424, 430, 458, 494; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁷⁷ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 104, 105; ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 430, 458, 494.

⁷⁸ ГРАКОВ Б. Н. Пережитки матриархата... С. 105; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁷⁹ ШИЛОВ В. П. Калиновский курганный могильник. С. 494; ВИНОГРАДОВ В. Б. Сарматы... С. 42.

⁸⁰ УВАРОВА П. С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887. С. 84; СЕМЕНОВ Л. П. Археологические и этнографические разыскания в 1925–1932 годах. Грозный, 1963. С. 82–83; Б. А. КУЗНЕЦОВ, Аланские племена... С. 28.

⁸¹ СМИРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 267; ШИЛОВ В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // «Известия Ростовского областного музея краеведения», I, 1959. С. 19.

⁸² СМЕРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 102; ЕФАНОВ Ю. П. Кобяковский грунтовой могильник... С. 138.

⁸³ Известно, что у сарматов голова коня, подобно голове барана, составляла особую жертвенную часть животного (см.: СМЕРНОВ К. Ф. Савроматы... С. 101).

⁸⁴ КАПОШИНА С. И. Сарматы на Нижнем Дону. С. 167; ПЛЕТНЕВА С. А. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья // «Исследования по археологии СССР», Л., 1961. С. 181 и сл.

⁸⁵ Мы видим, что в одних случаях покойников хоронили на деревянных подстилках, в других – на глине; то скорченно, то вытянуто на спине и т. д.

⁸⁶ В ближайшее время материал этот будет издан мною и Г. М. Аслановым.

⁸⁷ См.: КУЗНЕЦОВ В. А. К вопросу о позднеаланской культуре // СА, 1959, № 2. С. 108.

⁸⁸ См.: ТРЕВЕР К. В. Очерки... С. 164.

⁸⁹ См.: ШУЛЬЦ П. Н. Исследования Неаполя Скифского // «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957. С. 75–76, рис. 8а; КАРАСЕВ А. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК, XXXVII, 1951. С. 170, рис. 56, 1.

⁹⁰ См.: МАК, VIII, табл. IV, 4, 5; КАЛИТИНСКИЙ А. П. О некоторых формах фибул из Южной России, – «Seminarium Kandakovianum», Prague, 1927; АМБРОЗ А. К., Фибулы юга Европейской части СССР // САИ, Д1– 30, 1966. С. 47 и сл.

⁹¹ МЕДВЕДЕВ А. Ф. К истории кольчуги в древней Руси // КСИИМК, XLIX, 1953. С. 27.

⁹² См. об этом: ЕРЕМЯН С. Т. Страна «Махелония»... С. 57. Ср. также данные: «Армянская география VII в.», пер. Патканова К. П. СПб., 1877. С. 33.

⁹³ NAMIO EGAMI and SHINJI FUKAI, SEICHI MASUDA. Dailaman, II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960. The University of Tokyo. 1966; TOSHINIKO SONO and SHINJI FUKAI. Dailaman. III. The Excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti. 1964. The Institute for Oriental Culture, the University of Tokyo. 1968. На обе работы указал мне Ю. А. Заднепровский, за что выражаю ему свою признательность.

⁹⁴ См.: ЗАДНЕПРОВСКИЙ Ю. А. Сармато-аланы в Северном Иране в первых веках н. э. (тезисы) // «IV сессия по Древнему Востоку». М., 1968. С. 79–80; см.: ЕГО ЖЕ, [рец.], Namio Egami... // СА, 1969, № 1. С. 306.

⁹⁵ См. там же.

THE SARMATIANS-ALANS ON THEIR WAY TO IRAN

SUMMARY

One of the major problems in the ancient history of Western Asia is establishing the time when migration and settling of Iranian-speaking tribes started and the way they penetrated into the territory of Iran.

Lately an increasing number of scholars have been regarding South-East Europe as the homeland of Iranian-speaking peoples. It was from there, they claim, that Iranian-speaking tribes started migrating at different periods and in different directions. There are reasons to believe that Westiranian-speaking tribes came to Iran via the Caucasus as far back as the turn of the first or second millennium B. C. East-Iranian tribes, including the Sarmatian-Alans, later on followed the same way.

The article largely deals with materials concerning raids of the Sarmatian-Alans to Transcaucasia in the I–II centuries A. D. and testifying to their settling down in a number of places there, namely in Azerbaijan. The article corroborates the idea that the materials in the well-known Mingechar catacombs dating back to the first centuries A. D. are of Sarmatian-Alan origin.

Events connected with the migration of this group of the Sarmatian-Alan tribes took place in the main on the territory of Transcaucasia, but are also directly related to Iran, where they penetrated as well. Their raids were an important factor in the later political history of Iran, which was reflected to written sources. Apart from that invasions of those tribes apparently played a significant role in the ethnogeny of the population in North-Western regions of Iran. Lately it has become possible to link the information on the invasion of Iran by the Sarmatian-Alans contained in written sources with archaeological findings in Iran proper. Here burial catacombs have recently been found near the Caspian shore, dating back to the first centuries A. D. These are very close to the contemporary Sarmatian-Alan monuments of the northern Caucasus and Transcaucasia. Invasions of Iran by the Sarmatian-Alans were closely related to their migration to Transcaucasia and were its direct continuation.